

В шкуре вождя

<Передача Мумина Шакирова
в эфире радиостанции «Свобода»>

Каким был на экране и на сцене Ульянов-Ленин? Пламенным революционером или великим авантюристом, успешным реформатором или гением-неудачником, добрым дедушкой или мстительным тираном?

Впервые с киноматериалами о Ленине я столкнулся 20 лет назад, когда еще учился во ВГИКе. На уроках монтажа, нам первокурсникам режиссерского факультета педагог Лев Мирский давал возможность упражняться на старой киноклассике. Кому-то достались документальные фильмы Дзиги Вертова, кому-то шедевры Эйзенштейна, на моем рабочем столе лежали коробки с хроникой «Похороны Ленина». Мы клеили пленку, пытались выстроить логическую цепочку событий. Экспериментировали, как хотели. Студентам прощалось многое. Мои «Похороны Ленина» выглядели издевательскими и неправдоподобными. Мой Ленин умер, хоронили его Сталин, Киров и другие соратники, а народ после траурных мероприятий кричал на площади «Ура» и весьма жизне-радостно реагировал на печальное событие. Такие учебные ролики после получения зачета по монтажу тотчас исчезали в корзине.

Там же, на монтажном столе, я впервые увидел экранного Ленина в исполнении рабочего Павла Никандрова в немой картине Эйзенштейна «Октябрь», снятой в 1927-м году к десятилетию революции. Натурщик Никандров беззвучно вещал что-то на броневике восторженной толпе у Финляндского вокзала. С этого типажа, поразительно похожего на Ильича, и началась грандиозная Лениниана, как в игровом кино, так и на театральной сцене. Но, по версии историка и доктора искусствоведения Виктора Листова, экранный Ленин мог возникнуть и раньше.

Виктор Листов: В 1922-м году заведующий киноотделом Наркомпроса большевик Петр Иванович Воеводин сел и написал сце-

нарий под названием «Через тернии к звездам», где главным действующим лицом как раз был Владимир Ильич. Сценарий этот попал на рецензию к Крупской, которая его решительно и навсегда забодала. Она сказала, что выйдет ходульно, неинтересно, и вообще лучше этого ничего не надо. И Ленин начертил на ее отзыве: «Отклонить все на основании сего».

Мумин Шакиров: Главным и, пожалуй, первым экранным Лениным стал артист Борис Щукин, сыгравший Ильича в знаменитой кинодилогии классика советского кино Михаила Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918-м году». Эти фильмы, снятые в конце тридцатых годов, около полувека, вплоть до распада СССР и краха Системы, считались главными хитами Ленинианы.

Из фильма:

«Мы не будем ждать, пока буржуазия задавит революцию. Предложения Троцкого и Каменева с Зиновьевым — это полный идиотизм, или полная измена. Повторяю: необходимо со всей решительностью ставить вопрос о немедленном вооруженном восстании».

М. Ш.: Ни один юбилей вождя и ни одна годовщина Октябрьской революции не проходили без показов этих картин на Центральном телевидении. Конкурировать с Борисом Щукиным в те годы мог только другой известный актер — Максим Штраух, сыгравший Ленина в картине Сергея Юткевича «Человек с ружьем».

Из фильма:

«— А винтовку бросать нельзя? Нельзя. Боязно бросать ее, товарищи. Керенский идет на нас с оружием, а Каледин на Дон — поднимает казаков.

— Так что же это, если они первые кинутся на народ — опять война? Солдат ведь устал.

— Это за что и как воевать. Сейчас за Дарданеллы воевать никто не будет.

— Нет, за Дарданеллы воевать мы не будем.

— Но если царские генералы захотят посадить помещиков и капиталистов, то как вы думаете?

— Тогда пойдем воевать. Воевать надо сегодня».

М. Ш.: Поразительно, но оба артиста, и Борис Щукин и Максим Штраух до этого успешно играли, как в кино, так и на сцене комедийные роли. Именно поэтому актерские попадания в образ Ленина историк кино Виктор Листов считает не случайными.

В. Л.: Оба этих актера ведь актеры комические, вот возьмите того же Штрауха. Он ведь у Эйзенштейна в маленьком вставном фильме «Мудрец» играл Мамелюкова Проливного, то есть, это персонаж, который восходит к Милюкову. Островский, переделанный под современность. То же самое и с Щукиным, который ведь тоже играл комические роли — Поташон... Видимо, это тоже не случайность. Скажем, как Щукин пришел к роли Ленина — очень просто — его увидел Горький у вахтанговцев на репетиции и сказал: «Послушайте, ведь вы бы могли сыграть Ленина», — по похожести фактуры, и вот то, что Ленин воспринимался в этом случае как комический персонаж, очень характерно.

М. Ш.: Сегодня мало кто помнит, что кинорежиссер Михаил Ромм в конце 30-х снял свою Лениниану с участием двух вождей, Ульянова и Джугашвили, но после смерти Сталина, хрущевская цензура вырезала кадры с Иосифом Виссарионовичем. Почему Ульянов-Ленин в исполнении Бориса Щукина выглядит излишне светлым и карикатурным? Историк Виктор Листов находит объяснение в первой режиссерской версии Ромма.

В. Л.: Где-то 30-е годы — это идея двух вождей, из которых один — организатор и вдохновитель, суровый, серьезный, не улыбающийся человек, и второй — такой «enfant terrible» революции, который витает в каких-то облаках. Он, конечно, правильный, конечно, очень хороший, но все-таки он недостаточен, он даже чуточку комичен, для чего и нужен в картине Сталин, как другое начало большевизма, гораздо более серьезное и впоследствии гораздо более актуальное — вот как складывается актерский образ Ленина в 30-е годы. Тут все очень точно рассчитано.

М. Ш.: Перехвативший ленинскую эстафету у Бориса Щукина артист Максим Штраух, сыграл Ильича в пяти картинах, и его Лениниана затянулась почти на 30 лет. Образ, созданный Штраухом в фильме «Человек с ружьем», показался наиболее достоверным жене вождя, Надежде Крупской. Историк кино Клара Исаева считает, что и Щукин и Штраух создавали один и тот же миф о человеке и революционере.

Клара Исаева: Они оба имели одну и ту же задачу: показать величие Ленина но таким образом, чтобы он был живым человеком. И тот, и другой, они акцентировали внимание как раз на этих человеческих сторонах. Главная сцена Штрауха — встреча с Шадринным-солдатом, где он проявляет интерес к этому человеку, а у Щукина по всей картине были разбросаны такие штрихи, которые показывали его, как самого человеческого из всех прошедших по Земле людей.

М. Ш.: А чем Штраух все-таки отличается?

К. И.: Штраух отличался от Щукина тем, что он больше все-таки акцентировал внимание на фигуре исторической, на мыслителе, на философе. Кроме того, у Штрауха очень хорошо получалась речь ленинская, Щукин не мог так точно сымитировать ленинскую манеру разговаривать. У него даже картавость ленинская не получалась. Кроме того, Щукин в силу каких-то своих, видно, человеческих черт с гораздо большей теплотой передавал вот эти вот сугубо человеческие ленинские черты.

М. Ш.: После Максима Штрауха «монополия» на роль Ленина кончилась. Образ вождя стали тиражировать по всей стране. Владимир Ильич заговорил на разных языках народов СССР. Этот образ многим прокладывал дорогу в ареопаг деятелей искусства. Актер Малого театра Юрий Каюров установил даже всесоюзный рекорд по количеству сыгранных Ильичей, его Ленин фигурирует аж в 18 картинах. Самая известная работа — это фильм «Шестое июля», снятый по сценарию Михаила Шатрова в 1968-м году режиссером Юлием Карасиком. Ленин в исполнении Юрия Каюрова получился жестким, хладнокровным и даже воинственным. В одном из эпизодов фильма, Ильич, словно, чикагский гангстер, неожиданно вытаскивает из ящика стола револьвер, ловко перезаряжает его и прячет за пояс.

Из фильма:

«Л е н и н: Феликс Эдмундович, вам известно, что только что бомбой убит Мирбах? Я прошу вас срочно расследовать это дело. Срочно! Звоните мне, я у себя.»

Товарищ Горбунов, зайдите ко мне, запишите телефонограмму. “Во все районные комитеты РКП, во все районные советы, всем штабам Красной армии. Сегодня около 3 часов дня бомбой убит в немецком посольстве Мирбах. Это явно дело рук монархистов, или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских империалистов, подкупивших и чехословаков”».

М. Ш.: Артисты, которые пытались играть Ленина, невольно попадали под влияние тех актерских штампов, которыми пользовался на экране Борис Щукин. Создав классический образ вождя в диалогии Михаила Ромма, он на долгие годы заразил своими карикатурными жестами и манерами несколько поколений своих коллег. Артист Малого театра Юрий Каюров, готовясь к картине «Шестое июля» пошел другим путем, он черпал вдохновение, глядя исключительно на реального гения:

Юрий Каюров: Режиссер посадил меня, говорит, вот, смотри, и фильмы художественные, и документальный фильм. Фильм,

кстати говоря, смонтированный Роммом, где Ленин, документы его, выступления, и прочее. И я посмотрел. Как-то до меня дошло, что не надо мне ни в коем случае копировать ни грана, ни в чем, ни Щукина, ни Штрауха, никого. Потому что я увидел живого Ленина на экране, и понял, что вот он, если где-то до такого хоть где-то дотянусь — вот к этому я и стремился.

М. Ш.: По своей природе, Юрий Каюров — человек улыбочивый и веселый, но в картине требовался суровый и нестигаемый вождь.

Ю. К.: Мне режиссер Карасик говорит: «Юра не улыбаться, нигде, только все всерьез». Я ведь человек исполнительный. Мы — актеры. Вот свалилось такое на страну. Он потом скажет, что советская власть была на волосок от гибели. Как спасти? Есть статья «Очередные задачи советской власти». Вот я ее и штудировал. Там все об этом времени. Я оттуда и таскал для себя, как рыбак, эту рыбу. Я шел этим путем.

М. Ш.: А вы картавили?

Ю. К.: Очень в меру. Не увлекались совершенно. Проскальзывало иногда, но очень редко. Не увлекались никакими жестами, вскидыванием рук. Он у нас думающий, прежде всего, человек, нормально, все нормально. Ел со всеми вместе. Прихожу на «Мосфильм» в столовую, смотрю, сидит Чайковский Петр Ильич, оказывается, Смоктуновский Иннокентий Михайлович в гриме, или иду по коридору — батюшки мои, встречаю Геринга. Геринг — это мой друг Сева Кузнецов из театра БДТ, и мы с ним обнимаемся. Весь в своих крестах и медалях.

М. Ш.: А что категорически нельзя было персонажу Ленину демонстрировать на экране?

Ю. К.: Нельзя было любить Инессу Арманд. У нас был фильм «Ленин в Париже», где, естественно, и в сценарии у Гавриловича была сцена, они сидят с Инессой Арманд на скамеечке, о чем-то беседуют, ну, наверное, у них был же роман, это все прекрасно знают. Но это была советская власть, была цензура, и сказали — нет-нет, только никаких романов с Инессой Арманд. Пусть за ней будет ухаживать рабочий Трофимов, герой этой картины, и они на концертах, или в кафешке маленькой — сидит Инесса Арманд с Трофимовым, а Ильич сидит со своей благоверной Надеждой Константиновной, хохочут, смеются.

М. Ш.: Кинопроизведения о Ленине во времена СССР, несмотря на историческое не соответствие истине — были обречены на успех: широкий прокат по всей стране, призы на отечественных кинофестивалях, почести и награды создателям фильма. Картина «Шестое июля» была также обласкана критиками, но к всеобщему удивлению, не пришлось по душе высокому начальству.

Ю. К.: Мы тогда должны были по «Шестому июля» получать Ленинскую премию, то есть все вот говорят, «верти дырки», но не получили, в последний момент сорвалось. Кто-то из очень высоких людей сказал — нет, не стоит, потому что сделали статью, опубликовали ее в «Огоньке», тогда еще Софронов этим «Огоньком» руководил, и подписались доктора наук исторических, что нет, конечно, как же так, Ленин находится в обороне, а не в наступлении, а Дзержинского левые эсеры взяли в плен, и мы не увидели, как он оттуда вышел... Такая глупость. И у нас эта премия уехала.

М. Ш.: Но Юрий Каюров за долгую творческую жизнь «в шкуре вождя» без государственных наград не остался, первую Государственную премию он получил за документальный сериал «Наша биография», где он читал ленинские тексты, вторую за картину «Ленин в Париже». И сегодня артист благодарен судьбе за то, что она свела его в кино с вождем мирового пролетариата.

Ю. К.: Я не откажусь от того Ленина, которого я полюбил, и любовь которого я хотел передать через экран зрительному залу. С этим я жил, все мои работы были этому посвящены — заразить людей своей собственной любовью к этому человеку. Я его считал великим человеком, и считаю великим до сих пор. И что бы ни навораживали на него, это, наверное, было время такое, надо было, как говорится, это все делать. Не склонен сейчас подвергать сомнению его деятельность тогдашнюю.

М. Ш.: Свою успешную карьеру в советском кинематографе начал с Ульянова-Ленина, ныне живущий в Лос-Анджелесе, актер и режиссер Родион Нахапетов. В середине 60-х он снялся в знаменитой кинодилогии Марка Донского «Сердце матери» и «Верность матери», где сыграл нежного любящего сына Володю и одновременно пламенного революционера Ульянова.

Из фильма «Сердце матери»:

«— Доброе утро, мамочка.

— Доброе утро.

— Сегодня весь день буду гулять. Я покажу тебе город. А вечером у меня реферат у местных социал-демократов.

— Я бы хотела послушать, если мне, конечно, позволительно быть в кругу твоих единомышленников.

— Мама, но ведь ты и есть наш единомышленник, самый стойкий и самый верный. Я буду счастлив».

М. Ш.: Родион Нахапетов попал в руки крупного мастера и одного из признанных отцов советского неореализма Марка Донско-

го, известного по таким фильмам, как «Радуга», «Мать», по Горькому, и «Сельская учительница».

Р. Н.: Моя мама тяжело болела, и для нее, в общем, учительницы скромной из маленького городка, то, что сыну предложили такую роль, было поддержкой и каким-то символическим завершением ее трудной, очень трудной жизни. Для меня это тоже было важно, конечно, потому что до этого у меня было всего несколько ролей у Шукшина, потом еще одна была главная роль у меня, и все-таки роль такого масштаба, и в таком возрасте, мне было 20 лет, и предложил Марк Семенович Донской, который тоже должен снимать эти два фильма, сыграть Ленина на протяжении 30 лет жизни, от 16-летнего гимназиста Володи Ульянова до уже зрелого вождя революции, 40-летнего Владимира Ильича. Конечно, это для молодого артиста задача непростая. Не говорю почетная, но очень серьезная работа.

М. Ш.: Родиону Нахапетову в картинах Марка Донского о Ленине пришлось входить в образ не только чуткого сына и пламенного революционера, но и робкого влюбленного.

Р. Н.: Были и такие неожиданные вещи, скажем, там была сцена, когда встречались молодой еще Ульянов с Надеждой Крупской, он обнимает ее и целует, тут у режиссера, конечно, были сомнения, стоит ли показывать такую интимную сторону, для многих это вождь, и показать такую настоящую, реальную влюбленность — это немножко сложно, будет ли это убедительно, поймут ли. Но поняли и приняли, и в картинах есть и поцелуи, есть и горячая любовь его к Надежде. Вообще, мы старались показать Ленина такой в эмоциональной сфере больше.

М. Ш.: Вы знали, как Ленин мог бы себя чувствовать в качестве любовника, как артист?

Р. Н.: Наверное, можно было бы себе это вообразить, но по жанру, структуре сценария этого не было. Я бы, конечно, мог бы вообразить, как он ходит в туалет, как в постели себя ведет, какие шутки может отпустить, если никого рядом нет, политических противников, или что-то еще, наверное, возможно. Но все-таки артист работает в рамках данных ему ролей. Допустим, там была встреча, они встречаются после долгой разлуки с Крупской на улице. Он ее обнимает, целует, и — счастлив.

М. Ш.: Образ Ленина не принес Родиону Нахапетову особых материальных благ и привилегий, как это часто бывало с другими его коллегами, кто играл вождя мирового пролетариата. Известность пришла, репутация профессионала укрепилась. Но с Владимиром Ильичем артист Нахапетов распрощался раз и навсегда, хотя ему не раз предлагали эту роль. Не готов он играть Ленина и сегодня.

Р. Н.: Я не думал об этом, как бы я сыграл, наверное, по другому. Во-первых, опыт жизни, моей собственной жизни, подсказал бы мне многие вещи. К тому же просто знание, историческое понимание вещей, оно другое.

М. Ш.: Ленин, созданный вами, конечно, это романтический герой, любящий мать, в то же время, пламенный революционер. Такой образцово-показательный Ленин. Сегодня вам бы, конечно, пришлось показать дьявола.

Р. Н.: Безусловно, были черты характера, которые я замечал тогда делал записи, после того, как я читал материалы о Ленине, тогда я замечал, что были какие-то черты, которые было бы интересно показать на экране. Но опять же, говорю, это связано не только с тем, что такая романтизация этого героя была, но и с тем, что просто материал, сам материал эти двух фильмов, не давал возможности показать Ленина в большем объеме его характера. Там он был больше в отношении к семье, к матери, действительно Ленин до последних лет называл свою мать мамочкой.

М. Ш.: Каким Ильич предстал перед публикой на театральных подмостках? Непримирым революционером в исполнении Александра Калягина или склонным к компромиссам политиком по версии Михаила Ульянова? Ленин-карлик — новая трактовка образа. Ленин в постели — последние дни гения.

Мои воспоминания о первом театральном Ленине уходят в далекое детство, в город Душанбе. Нас, школьников начальных классов, строем водили на революционные спектакли местного театра драмы, где Ильича играл народный артист Советского Союза Асли Бурханов.

Ленин детства говорил на таджикском, иногда переходил на узбекский, картавил, ходил в жилетке, много жестикулировал. Смотреть на него было забавно. Он как две капли воды был похож на экранного вождя, придуманного артистом Борисом Щукиным. В других репертуарных спектаклях играл комедийные роли.

Помню, как во время парадов за ним бегали дети и кричали «Ленин! Ленин!». Артист Бурханов, не смывая грим и не выходя из образа, всегда пешком возвращался в театр после демонстраций.

Запомнились и другие детали. Однажды удалось подглядеть, как таджикскому Ленину в перерывах между выступлениями на броневишке, наливали водку в граненый стакан, и он опрокидывал его одним залпом, свидетели были в шоке.

Спустя много лет, я увидел, как в аптеке расступилась очередь, когда у прилавка возник старый и лысый артист Бурханов. «Ленин!», — прошептал кто-то. Штатный Ильич по привычке вскинул руку и попросил валерьянки. «Скоро сохнет!» — услышал я голос сзади.

В советских театрах, Ленина играли как и знаменитые артисты, так и малоизвестные, талантливые и бездарные. Если в 60-е и 70-е годы сценический образ Ильича не выходил за рамки идеологических клише времен застоя, то вначале 80-х ситуация начала постепенно меняться.

Одну из самых скандальных и смелых по тем временам постановок в 1982-м году осуществил во МХАТе режиссер Олег Ефремов. Роль Ленина в спектакле «Так победим» по пьесе Михаила Шатрова исполнил неожиданно для многих артист Александр Калягин. Согласился он не сразу, его очень долго уговаривали сыграть вождя.

Александр Калягин: Самое главное, когда меня спрашивают, с чего я начал свою работу над образом Ленина — прежде всего, с отказа. Потому что я себя не вижу. Пародировать могу, копировать могу, но я не верю, не вижу стержня, не вижу ничего того, что меня бы зажгло, я это говорил спокойно абсолютно Олегу Николаевичу Ефремову, я говорил и Мише Шатрову. Со многими долго вели беседы эти люди, около двух месяцев, когда я согласился, я начал с того, что прочитал книгу, которая практически я считаю, легла в основу моего внешнего, и отчасти внутреннего рисунка, это «Ленин в Цюрихе» Солженицына. Меня потрясла эта книга, я впервые увидел Ленина все-таки фанатика. А пьеса была все-таки написана Шатровым о последнем моменте жизни Ленина, и когда фанатик уходит из жизни, я так понимаю, что перед смертью все должно буквально вспыхивать у него в мозгах, у этого человека, перед смертью, и эти вспышки сознания в фанатичном мозгу окрашены, конечно, в какой-то определенный цвет. «Ленин в Цюрихе» мне практически открыл образ, который мы потом начали репетировать с Ефремовым, и с Розой, Сиротой. А второе, что очень важно — мы с самого начала договорились с Ефремовым отказаться от всех жилетных поз. Руки вскинуть, рука за жилетку — это все мимо... Что, кстати, чрезвычайно было воспринято хорошо людьми, даже либералами, диссидентами, которые заполнили зал, и, несмотря даже на критическое отношение, были восторженные слова.

Из спектакля:

«Отравить мужика моментом, собрать все силы в одной кулак, и там ударить по наглой морде немецких милитаристов, чтобы им неповадно было, если кто-то когда-либо будет пробовать говорить с нами на таком языке.»

Довольно! Больше я терпеть не буду ни единой секунды. Шутить и играть с войной нельзя, у нас нет возможностей. Что

это значит, сдавать русскую революцию на стол. Мы пишем бумажки...»

М. Ш.: Спектакль «Так победим!» создавался мучительно, его запрещали, он не выходил почти год, но авторам удалось отстоять проект, и довести до зрителей. Некоторые сцены и тексты, произнесенные Лениным, раздражали партийных функционеров. Сам артист Калягин почти не думал о цензуре, с ней боролись Михаил Шатров и Олег Ефремов. Ульянов — Ленин по версии Александра Калягина, человек, ставший рабом своей идеи:

А. К.: Это человек, который, как мне кажется, осознал, что он сделал, понял, что не поправить многое, раб идеи, которая его сожрала, Кафкой такой, таким панцирем он стал. Вот эти фотографии последние, где он в параличе в Горках, где он смотрит на природу, думаю, что в этот момент просто душа может реветь плакать, рыдать, от того, что человек натворил в начале века. Понимаете, ошибки из-за веры. Я не оправдываю. Было сделано много очень ужасного, очень много, особенно в связи с репрессиями и с лагерями, уничтожением духовенства, высылкой интеллигенции, и так далее. Человека может оправдать только одно: он получил, видимо, сполна, будучи парализованным, Бог заплатил ему за эти страдания, его же человеческими страданиями, и, видимо, в параличе многое прошло перед ним.

Из спектакля:

«— Давненько я вас не видел.

— Раньше не разрешали врачи, Владимир Ильич. С тех пор, как вы заболели, я каждый день просилась к вам.

— Я знаю, я час назад сказал эскулапам, что страшно волнует один вопрос, и меня не устроит, если он не будет выполнен в течение пяти минут. И вот вы здесь. А что вы такая бледненькая.

— Да я совсем не бледная. Просто здесь очень мало света. Вы тоже...

— Что я? Что, дилемма, выкручиваться, или говорить правду».

М. Ш.: По понятным причинам, в советские времена подлинная история взаимоотношений Ленина и Инессы Арманд никогда не раскрывалась полностью. Официальная подруга жизни Ильича — Надежда Крупская. Но именно этот любовный треугольник всегда интересовал артистов.

А. К.: Конечно, мне интересны были его отношения с Арманд. Это очень интересно. Да, я читал, да я знаю. Но от этого он еще

более симпатичен. Это показывало его слабину. Однажды, когда мы репетировали «Так победим» — большое помещение, видели фотографии Ленина, сподвижников, Троцкий, Бухарин, в такой атмосфере мы репетировали, и много фотографий, где Ленин сидит, и рядом Крупская. Базедова болезнь, полная, милая, чудная женщина, видимо, очень переживала те отношения с Арманд, все понятно. И однажды Владлен Давыдов, артист очень известный, он ироничен, и зная мой еще смешливый характер подзывает во время паузы и подводит к этой фотографии, на скамейке лежит Ленин, нога на ногу, и рядом тяжелая пучеглазая женщина сидит, тупо уставившись в объектив. И он мне говорит: «Саша, ты вот можешь, представить Ленина и Крупскую? Ты понял, почему Ленин занялся революцией?» Но эти такие как бы шуточные случаи мне, поверьте, помогали взглянуть по-человечески на какие-то мотивы. Действительно, человек может заняться революцией.

М. Ш.: Александр Калягин считает свою работу в спектакле «Так победим!» удачной. Он сыграл вождя, когда ему было сорок. Переломный этап в его актерской карьере. «Для себя я определил эту роль, как идеологическую, роль к которой идешь от головы, выстраиваешь ее на мастерстве, — пишет он в своих воспоминаниях. Она потребовала от меня каких-то новых умений. И когда я понял, что взял, появилось чувство гордости».

Александр Калягин говорит искренне об этом и не приемлет сарказма и иронии, когда его слегка попрекают тем, что он играл в советские времена вождя мирового пролетариата:

А. К.: Когда меня спрашивают о роли Ленина, всегда подразумевают как бы такой подтекст — как же вы, такой сякой, каким-то образом вот согласились, сыграли. Я в таких случаях всегда удивляюсь, особенно после всех революций наших, перестроек, и так далее. В нас, в вас, во мне — человек достаточно многообразен. Есть Ленин, есть и Чехов, есть и нежность, есть и ярость, и все есть. Когда мы говорим что-то ленинское, мы, конечно, подразумеваем какой-то фанатизм, экстремизм, но на нашей памяти этих тиранов, которые ломали историю об колено, от Нерона, от Калигулы, давайте дальше, будем загигать пальцы, Ваня Грозный, и пошло, и поехало. Люди, которые и по ту сторону границы, и по эту, ломали людей, сжигали деревни, инквизиция... Что мы об этом говорим, когда на нашем примере, простите меня, Джордж Буш, чем не ленинское — все ленинское. Какие там институты международные. «Кто нам диктует, какая страна демократическая, какая нет. Самолеты будут летать, бомбить только потому, что мы считаем, что так нужно». Ленин точно так же считал. Он считал, что так нужно, это спасение человечества. Буш то же считает,

что это спасение человечества. Очень яркий Ленин в смысле проявления фанатизма. Я не говорю, что это плохо, или хорошо, это решать американскому народу, но то, что это ломает историю...

М. Ш.: В то же время Александр Калягин признается, что, сыграв Ленина, он незаметно вошел в тот круг привилегированных артистов, когда роль вождя стала приносить и определенные дивиденды, помогала решать, как свои социальные проблемы, так и чужие.

А. К.: Среди актеров ходили байки, такие, иронического и юмористического плана — сыграешь, квартиру получишь, сыграешь — госпремию получишь, машину вне очереди, да что хочете. Ты как бы уже и для других, как я уже потом и понял, когда я сыграл роль Ленина, видимо, это некоторых так потрясло, сыграв и Чичикова и другие роли, меня не воспринимали, потому что к ним вдруг входил в какие-то кабинеты, не Калягин, а Ленин. Я иронично на все это смотрел, со стороны, потому что я сыграл прохиндиаду, Чичикова сыграл 5 серий, поэтому я знаю, что такое вообще увидеть себя со стороны, и при этом безумно быть искренним. Но я чувствовал эту теплую руку, которая тянулась ко мне. Этот глаз, этот человек просил каким-то тоном чай или кофе принести нам для беседы в этом кабинете. Я, в основном, ходил по другим поводам, чего-то попросить для кого-то. Потом это так случилось и подтвердилось, когда мой друг Анатолий Миронович Смелянский помог написать письмо, мы действительно с женой, у нас родился только ребенок, на моих руках, дочка пятилетняя, мы жили черт-те как, я написал письмо Гришину, через неделю, меня вызвали в МК, и через неделю мне предложили смотровые. Играет роль, я не скрываю этого. Не потому, что надо стыдиться мне, но я отчасти впервые в жизни попросил за себя, не имея в виду, что я вот все-таки сыграл роль Ленина.

М. Ш.: Драматург Михаил Шатров, продолжая писать пьесы о Ленине и об историко-революционном периоде страны, сумел в 80-е годы реализовать несколько своих замыслов на сцене московских театров. Один из них спектакль «Брестский мир» в постановке Роберта Стурюа на Вахтанговской сцене. Ленина сыграл Михаил Ульянов. Играл не вождя, как утверждает артист, играл, прежде всего, человека:

Михаил Ульянов: Я не знаю, как вождей играть. Хоть я и играл много всяких вождей, тут и Стенька Разин, тут и Ленин, тут и Сталин, и Жуков, и Наполеон, я понимал ответственность, но работал над этими ролями, исходя из человеческой их платформы, а не царственной, или королевской. Например, Наполеон, которого я играл у Эфроса, выезжает на белом коне, все падают ниц, завоевал

всю Европу, черт те знает, сколько уничтожил народу, но приходил к Жозефине и превращался в мужичка, которого она топтала, как хотела, и он ничего с ней сделать не мог. А с Лениным очень интересный эпизод: Горбачев очень любил театр, и любил наш театр, м интересовался моим творчеством в какой-то мере. Он пришел на спектакль, в «Брестском мире» Ленина я играл, там была мизансцена, где я играл на полу, а Арманд ставила ногу ему на грудь, лежащему на полу, и говорила какие-то слова, сейчас не помню. И он удивленно так сказал: «Уж не надо-то так, навзничь падать. К чему бы это?» Не принял эту мизансцену. Действительно, принять подобное человеку, который действительно верил в то, что он говорил, чтобы он лежал навзничь, а Арманд, как гладиатор стояла над поверженным Ленине... Или там была мизансцена, когда Ленин падал на колени перед Троцким, умоляя его подписать мир.

М. Ш.: Замечания актерам, кто играл Ленина, делали не только руководители государства, но и простые рабочие.

М. У.: Одно время у нас была такая игра — «Бригада коммунистического труда». К бригаде присобачивался какой-нибудь актер, Гриценко, Яковлев, Леонов, у каждого была бригада на заводе «Динамо», и мы там числились — слесарь, столяр такой-то — связь народа и театра. Кончился спектакль, и мой бригадир такой, Борька, парень лет 25–27, этот Борька подходит, я говорю: «Как вам спектакль?» А он: «Михаил Александрович, а вы неверно играете роль Ленина». Я озверел — делай свое дело, я же не лезу в твои станки. «А в чем?» Он говорит: «Ленин был мягче». Вот клише, которое вбили — он был мягкий, человечный, добрейший, милейший, по существу говоря, создавался и создан был Бог. А у меня была там мизансцена, когда Ленин разговаривает с солдатом, это главная сцена спектакля, с Шадриным, «а воевать пойдет солдат с немцами, если ему дадут землю», — я его брал за ремень и притягивал к себе, как бы выдавливая из него этот ответ. Вот это почитали, так сказать, жесткостью и неправильностью.

М. Ш.: Партноменклатура и блюстители идеологии во времена СССР внимательно следили за тем, чтобы роль Ленина играли актеры исключительно с особой репутацией. Нельзя было доверить Ильича артисту, который запомнился зрителю в сомнительных с точки зрения цензуры образах: проходимцев, шпионов или разного типа асоциальных типах.

Парадокс, но препятствия в свое время чинили даже Михаилу Ульянову, когда он приступал к работе в спектакле «Человек с ружьем» по пьесе Николая Погодина:

М. У.: Когда крупный театр выезжал за границу в 60–70-е годы на гастроли, то обычно министр культуры, тогда министром

культуры была Фурцева, она принимала коллектив, и как бы напутствовала. Мы играли «Принцессу Турандот», или «Человека с ружьем». Что вот «Принцесса Турандот» — ладно, веселитесь, но нам важно показать, и так далее. Меня не было в числе приглашенных на этом собрании. Рассказывали такую историю. Она спросила: «А кто у вас играет Ленина?» Рубен Николаевич сказал — Ленина играет Ульянов. И вдруг она страшно закричала: «Как он смеет, играть Ленина и играть такие роли?!» А дело все в том, что я перед этим только что снялся в картине Басова «Тишина», и там история доносчика, стукача, такой сосед, который стучит на всех. Она сказала — «как он смеет играть такие роли, и в то же время Владимира Ильича?» Рубен Николаевич сказал: «Мы же актеры». «Все равно, он не имеет права».

М. Ш.: Михаил Ульянов сегодня не строит иллюзий по поводу прежних забронзовевших образов вождя, которые доминировали в кино и на сцене. Идеологические клише разрушены. И он готов сыграть Ленина сейчас, но только в иной трактовке.

М. У.: Таким, каким его играли — не хочу, а таким, каким его сыграть можно было бы в этот трагический момент, когда он понимал, что он не туда забрел, что его не понимают, что он тоже не понимает, короче говоря, полный разрыв эту трагическую шекспировского размаха страсть, это пострашнее, чем Ричард... Может быть, еще не доказано, но может быть этих двух племянников Ричард и придушил, но не Владимир Ильич, который требовал стрелять, стрелять, уничтожать, стреляли, уничтожали, и все делали. Если бы мне дали такую роль, это я бы хотел. А еще раз повторить, какой он был великий — нет, не хочу.

М. Ш.: Спектакли о Ленине сегодня большая редкость. Драматурги и режиссеры несколько потеряли интерес к человеку, который чуть больше 80 лет назад, как говорится, «сломав историю об колена». Ильич советского образца явно устарел, поиски нового образа вождя редко, но продолжают.

Московский театр у Никитских ворот решил пойти на эксперимент и доверить роль Ленина в спектакле Кунсткамера — карлику, актеру Владимиру Федорову. Его помнят зрители по фильму «Руслан и Людмила», где он исполнил роль Черномора. Для Владимира Федорова выбор режиссера Эрвина Гааза стал неожиданностью.

Владимир Федоров: Внешне оказалось более чем похоже. Как будто из учебника по истории КПСС. Я сам удивился, когда мне предложил наш режиссер Эрвин Петрович Гааз сыграть Ленина. Не знаю, чем он руководствовался, в чем были его глубинные причины, может, он понимал, что если сделать это традиционно, то это

будет манная каша, которая всем уже надоела. Я — карлик. Карлик Ленин — такого еще не было. Это, наверное, самый необычный Ленин. Мой рост — метр 30 сантиметров. Ленин был невысокого роста, но он не был карликом. Вот эта моя особенность воспринимается в какие-то буквально первые 30 секунд. Меня вывозят в коляске, вывозят мумию, мумия, которая разговаривает, живет, переживает.

М. Ш.: Главные герои пьесы — это Ленин, Сталин, Берия, Станиславский, Мейерхольд и женщина-кошмар.

В. Ф.: Дело в том, что я-то уже в мавзолее, и они тогда обращаются к Ленину, ко мне, вызывая его как бы из Мавзолея, я появляюсь как бы в этой жизни, и как бы говорят: «Парень, это же ты все придумал. Мы твои последователи». У меня две задачи. Во-первых, я прошу — жизнь в этом самом идиотском Мавзолее — она достаточно неудобна, и я обращаюсь с просьбой к Сталину, чтобы меня похоронили и оставили, наконец, в покое. А он говорит: «Дорогой мой друг, мы же не можем это сделать. Мы же с тобой когда-то, ты помнишь, незадолго до смерти, заключили соглашение. Ты мирно покоишься в Мавзолее, а мы даем возможность твоей жене умереть собственной смертью. Ты же помнишь это».

Из спектакля:

«— Так вот, в этом вашем Мавзолее.

— Вашем, товарищ.

— В нашем Мавзолее чудовищно неудобно. Лежишь, не шелохнувшись, и повсюду эти лампочки, лампочки, лампочки Ильича. Бьют прямо в лицо. Скажите на милость, кому в склепе понадобился свет?! К тому же, постоянно холодно. Я понимаю, что я мумия, для сохранения которой нужен соответствующий температурный режим, я твердо это понимаю. Но хотя бы одеяло на ноги, ноги-то коченеют... До чертиков неприятно!»

М. Ш.: Спектакль «Кунсткамера», поставленный в театре «У Никитских ворот» — это не первая в России попытка представить Ульянова-Ленина в столь гротескном виде. И до этого было немало примеров, когда сценический образ вождя искажался до неузнаваемости. В роли разрушителей стереотипов после краха Системы не раз выступали и российские кинематографисты. Пальма первенства принадлежит авторам фильма «Комедия строгого режима», снятого по мотивам серии рассказов Сергея Довлатова «Зона» в 1992-м году. Согласно сценарию, бандитские авторитеты, матерые рецидивисты и отъявленные мошенники к столетию со дня рождения Ленина по решению руководства колонии ставят спектакль о жизни вождя мирового пролетариата. Роль Вла-

димира Ильича досталась уголовнику Зуеву в исполнении артиста Виктора Сухорукова:

Из спектакля:

«А я не согласен и предлагаю взять из политических...

Еще раз повторяю, пьеса подписана, утверждена, и никаких отсебятин.

И все-таки, я считаю, что так будет лучше.

Сколько раз можно говорить?!

Но пьеса не догма. Воздействие истинных ленинских фраз гораздо сильнее, чем эти байки вашего доморощенного писаки...»

М. Ш.: Уголовнику Зуеву, благодаря сыгранной роли Ленина, удалось подняться из низов в авторитеты и организовать массовый побег из колонии. Так что Ильич по версии авторов фильма не изменил себе и в советской тюрьме, где по воле режиссеров Владимира Студенникова и Михаила Григорьева оказался главным возмутителем спокойствия.

Ленинская тема уже в XXI веке привлекала и такого большого мастера отечественного кинематографа, как Александра Сокурова. Знаменитый режиссер снял картину «Телец» о последних днях тяжелого больного и отстраненного от государственных дел Ленина. Роль вождя исполнил артист Леонид Мозговой. Действие фильма происходит в Горках, где медленно и мучительно умирает беспомощный гений.

Из фильма:

«— Будет ли мысль, когда полная неподвижность и беспомощность?»

— Да отпустите вы меня, в конце концов!..

— Извините-извините, но мне же нужно взглянуть. Я нашла то, что вы давно просили. “О последних часах” Маркса.

— Как умножить 17 на 22?

— Столбиком.

— Каким еще столбиком?! Это же черт знает, что такое, столбиком. Если вы хотите множить столбиком, так и множьте, а я не буду множить столбиком.

— Очки отдайте, вы их ломаете.»

М. Ш.: Александр Сокуров в своем фильме показывает зрителю страшную картину распада личности, где история болезни приобретает значение образное, символизирующее распад идеи. На экране эту агонию демонстрирует артист Леонид Мозговой:

Леонид Мозговой: Сама атмосфера, вечная слезка за всем, тяжело больной человек, его любят, да, к нему хорошо относятся, но уже невозможно, уже сил нет, во всей атмосфере фильма существует, он пытается идти вопреки всему, падает, но идет, идет, или ползет по траве. «Я сам-сам».

М. Ш.: Воля чудовищная осталась.

Л. М.: Да, конечно, энергия воля, не случайно он сумел своротить такую страну, невысказано.

М. Ш.: И что для вас осталось загадкой в образе Ленина?

Л. М.: Я взял только кусок, «сам себе противен», у нас в жизни у всех бывает это состояние. У Фромма, по-моему, написано в книжке «Анатомия человеческой деструктивности», что только 10 процентов населения планеты способно по своим психофизическим данным быть у власти. Но еще повезет-то из них 1–2 процентам. Вот они и правят. У них другая мораль, другие отношения. Кто-то сказал, по-моему, Ярмольник: «После этого фильма не важно, вынесут его из Мавзолея, или нет».

М. Ш.: Образ Ленина, созданный Мозговым в фильме «Телец», стал достойным завершением той грандиозной кино-ленинианы, которая была начата простым рабочим Никандровым, сыгравшим в фильме Эйзенштейна «Октябрь», и продолжена великим множеством замечательных актеров — Щукиным, Штраухом, Каюровым, Смоктуновским, Лавровым, Калягиным, Ульяновым...

Владимир Ленин — 77 лет на экране и на сцене. От Ленина-победителя в исполнении рабочего Никандро́ва до Ленина — инвалида, карлика и уголовника.

